

УДК 39:81'373.6

**ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА – ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ЭТНОГРАФА****(На примере слов ЪЛЌН (чѡп, от, кѡк) ‘трава’, ЪЛЌН ‘песня, сказание’ в алтайском и кыргызском языках)**Сарбашева Сурна Борисовна<sup>1</sup><sup>1</sup>Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия**Аннотация**

В этнографии значения слов играют ключевую роль, так как это позволяет исследователям понимать культурные, исторические и социальные аспекты жизни народов, а также интерпретировать собранные данные. Этнографы могут анализировать этимологию слов, их происхождение и изменения в значении со временем. Значение слов в этнографии может раскрываться через несколько аспектов: исторический контекст – многие слова и выражения в языке хранят информацию о прошлом, о событиях, которые имели значение для носителей культуры. Культурная специфика – значение слова часто связано с культурными традициями, верованиями, ритуалами и представлениями о мире, взаимодействие языковых и этнических процессов (этнолингвистика). При проведении полевых исследований этнографы фиксируют не только внешний вид предметов или описание действий, но и то, как люди используют язык в повседневной жизни. Это требует понимания не только буквального значения слов, но и их функционального и символического подтекста. Таким образом, знание значения слов в этнографии – это не просто лингвистическая задача, но и инструмент для понимания культуры, истории и социальных процессов.

В алтайском и кыргызском языках абсолютные синонимы составляют отдельный тип парных слов, отражающих современное состояние языка и свидетельствующих о тесных исторических связях с другими языками. Их исследование актуально в связи с усилением внимания современных лингвистов, тюркологов к проблеме семантического устройства аналитических единиц тех или иных языков. Парные слова-дубликеты указывают на возможные пути и источники обогащения словарного состава языка, появления новых значений при использовании исконных слов и заимствований из языка контактирующего этноса.

Статья посвящена абсолютным синонимам-дубликатам в составе парных имен существительных алтайского и кыргызского языков. В ней также рассматривается терминология, связанная с обсуждаемыми в статье производными единицами. Методологической базой работы послужили исследования словообразовательной системы сложных слов в области российской лингвистики. Вопросом парных слов в русистике и тюркологии занимались А.А. Потебня, Д.С. Лихачев, Г. Г. Ибрагимов, Н.К. Дмитриев, Е.И. Убрятова, Ф.А. Ганиев, А.Т. Кайдаров, Н.М. Ондар, И.М. Чебокакова, О.Ю. Кокошников и другие ученые, в алтайском языке специальное исследование провела Е.В. Чайчина, отдельные проблемы отражены в статьях Н.Р. Байжановой, А.В. Беяковой, И.Н. Муйтуевой. Автор статьи считает, что одним из факторов, способствующих появлению парных слов с синонимическим отношением компонентов, является наличие в языке омонимов, поскольку один из компонентов рассматриваемых единиц подкрепляется синонимом для исключения недоразумений в коммуницировании в многоязычной среде. Парные слова характерны для территорий, где контактируют друг

с другом разные языковые группы. Данный в алтайском и кыргызском языках весьма продуктивен. Для написания статьи использованы материалы двуязычных словарей. Ключевые слова: тюркские языки, алтайский язык, кыргызский язык, этнография, парные слова, слова-дубликаты, омонимы, семантика, этимология.

**Ключевые слова:** тюркские языки, алтайский язык, кыргызский язык, этнография, парные слова, слова-дубликаты, омонимы, семантика, этимология.

## **THE MEANING OF THE WORD AS THE PRIMARY TOOL OF THE ETHNOGRAPHER (Based on the example of the words ÖLÖŋ (чөп, от, kök) 'grass' and ÖLÖŋ 'song, tale' in the Altai and Kyrgyz languages)**

Sarbasheva Surna Borisovna<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Russia

### **Abstract**

In ethnography, the meaning of words plays a pivotal role, as it enables researchers to understand the cultural, historical, and social dimensions of people's lives and to interpret the data they collect. Ethnographers analyze the etymology of words, their origin, and the changes in their meanings over time. The significance of words in ethnography may be revealed through several interrelated aspects. First, the historical context is essential, since many words and expressions preserve information about the past and about events that were important for the bearers of a particular culture. Second, cultural specificity is equally important, as the meaning of a word is often closely connected with cultural traditions, beliefs, rituals, and conceptions of the world, as well as with the interaction of linguistic and ethnic processes, that is, with ethnoлингuistics. In field research, ethnographers record not only the appearance of objects or descriptions of actions, but also the ways in which people use language in everyday life. This requires an understanding not only of the literal meaning of words, but also of their functional and symbolic implications. Thus, knowledge of word meanings in ethnography is not merely a linguistic task, but also an essential instrument for understanding culture, history, and social processes.

In the Altai and Kyrgyz languages, absolute synonyms constitute a distinct type of paired words that reflect the present state of the language and testify to its close historical connections with other languages. Their study is particularly relevant in view of the growing attention of modern linguists and Turkologists to the semantic structure of analytical units in different languages. Paired doublet words indicate possible ways and sources of vocabulary enrichment, as well as the emergence of new meanings through the use of native words and borrowings from the language of a contact ethnic group.

The article is devoted to absolute synonymous doublets within paired nouns in the Altai and Kyrgyz languages. It also examines the terminology associated with the derivative units discussed in the study. The methodological basis of the research is grounded in studies of the word-formation system of complex words in Russian linguistics. The issue of paired words in Russian and Turkic linguistics has been addressed by such scholars as A.A. Potebnya, D.S. Likhachev, G.G. Ibragimov, N.K. Dmitriev, E.I. Ubryatova, F.A. Ganiev, A.T. Kaidarov, N.M. Ondar, I.M. Chebochakova, O.Yu. Kokoshnikova, and others. In the Altai language, a special study was conducted by E.V. Chaichina, while individual aspects of the problem are reflected in the works of N.R. Baizhanova, A.V. Belyakova, and I.N. Muityueva. The author argues

that one of the factors contributing to the emergence of paired words with synonymous relations between their components is the presence of homonyms in the language, since one component of the units under consideration is reinforced by a synonym in order to eliminate ambiguity in communication within a multilingual environment. Paired words are characteristic of territories where different language groups come into contact with one another. This phenomenon is highly productive in both the Altai and Kyrgyz languages. The article is based on materials drawn from bilingual dictionaries.

**Keywords:** Turkic languages, Altai language, Kyrgyz language, ethnography, paired words, doublet words, homonyms, semantics, etymology.

© 2026. The Authors. This is an open access article under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License, CC BY, which allows others to freely distribute the published article, with the obligatory reference to the authors of original works and original publication in this journal.

## Введение

Во многих языках мира существует такое явление, как образование новых слов путем сложения двух грамматически равнозначных основ, входящих в одну лексико-семантическую группу, приобретающих в результате сложения единое значение. Их исследование актуально в связи с усилением внимания современных лингвистов к проблеме семантического устройства аналитических единиц тех или иных языков. Подобные единицы, несомненно, должны последовательно изучаться в аспекте новых подходов, методов дериватологии и словообразования и других смежных направлений. Внимание исследователей должно быть обращено и на внутренние отношения между компонентами подобных единиц. Для обозначения такого типа сложных слов используется термин «парное слово». Данный термин получил распространение в тюркологии, но он не является единственным используемым в лингвистике термином. Г.Г. Ибрагимов в 1911 г. впервые использовал термин «слово спутник» для производных татарского языка и отметил, что компоненты «слова-спутника» относятся к одной и той же части речи [Ибрагимов, 2003]. Н.К. Дмитриев разработал комплексную классификацию парных слов башкирского языка, учитывающую их фонетические, синтаксические, семантические свойства, и выделил как первый их тип парные слова с синонимическими отношениями компонентов: дус-иш ‘друг-приятель’ (дус ‘друг’, иш ‘товарищ, советник’), асык-тишек ‘разодранный, весь в дырах’ (асык ‘открытый’, тишек ‘дыра’), куй-һарык ‘овцы’ (куй ‘овца, баран’, һарык ‘баран, овца’), сыуал-усак ‘печки разные’ (сыуал ‘башкирская печь всякого рода’, усак ‘очаг’), зыян-зарар ‘вред, ущерб, убыток’ (зыян ‘вред’, зарар ‘ущерб’) [Дмитриев, 1948, с. 74–75]. В.М. Наделяев отмечал, что равноправно включенные компоненты сложной основы парного слова находятся в одном семантическом поле, производная лексема имеет в одном случае отвлеченное значение, в другом – собирательное [Наделяев, 1988, с. 35]. Исследователь словообразования в татарском языке Ф.А. Ганиев не обошел своим вниманием и парные слова, он выделил три их типа на основе лексико-семантических свойств компонентов: 1) компоненты парного слова сегодня представлены в языке самостоятельно, каждый из них имеет самостоятельное значение; 2) первый компонент парного слова представлен в современном языке как слово с реальным значением, а второй выявляется в диалектах, родственных языках либо существовал в древности, поэтому он этимологически затемнен; 3) первый компонент парного слова существует в языке как полнозначное слово, а второй – его фонетически измененный, асемантический вариант [Ганиев, 1982, с. 218]. В киргизском языке выявляется подобное парное слово, которое имеет вид азык-

түлүк, и, как отмечает Р.Э. Конурбаева, компонент түлүк употребляется в значении төрт-түлүк 'домашний скот' [2023, с. 341– 352]. Данному парному слову в алтайском языке можно привести соответствие мал-аш (мал 'скот', аш 'еда, продукты'), т. е. «скот для еды». Парные слова рассматривались в лингвистике и в аспекте анализа синонимических отношений между их компонентами. К примеру, М. З. Даминова при исследовании подобных слов в таджикском языке применяет термин «приватные слова-дублиеты». По ее мнению, данный тип слов дублетов служит для выражения эмоциональных состояний: «саъю-кўшиш 'стремление и старание', сабрутокат 'терпение', фикру-андеша 'мысли и суждения'» и др. Она считает, что появлению парных «слов дублетов» способствовало заимствование лексем из других языков, приводя в качестве примера единицы, один из компонентов которых имеет иноязычное происхождение, ср.: менъру-муъаббат 'любовь' (менър 'любовь, забота, нежность, теплота' в таджикском языке, муъаббат 'любовь' в арабском языке). Оба компонента несут равнозначную нагрузку, поэтому они относятся к разряду абсолютных дублетов [Даминова, 2015]. И.М. Чебочакова (Тараканова) отметила, что в результате междиалектного заимствования в хакасском языке, а также заимствования из контактных неродственных языков в этом языке возникли парные слова с компонентами-синонимами: «...некоторые парные слова возникли путем сложения разнодиалектных слов с синонимическим значением, в частности, из сагайского и качинского, например, им-том 'лекарство' (им 'лекарство', том (кач.) 'лекарство, зелье'), ыр-сарын 'песни' (ыр кач. 'песня', сарын саг. 'песня'), сырай-чўс (сырай монг. 'лицо', тюркское чўс приобрело в современном хакасском языке стилистическую сниженность 'морда'), также сват-худагай 'сватовья' (сват рус. 'сват', худагай монг. 'сват'), изен-тороба 'приветствие' (изен 'здравствуй', тороба рус. 'здорово')» [Тараканова, 2008, с. 120].

### Основная часть

Целью нашей статьи является анализ парных слов в алтайском и кыргызском языках с компонентами, являющимися абсолютными синонимами по отношению друг к другу, один из которых представлен в современном языке, второй – выявляется в родственном языке или диалекте. Особое место среди абсолютных синонимов дублетов в алтайском языке занимают парные слова от-өлөн, өлөн-чөп, маргаа-чөп, сүрее-чөп, көк-өлөн, көк-жажан. Каждое из этих слов функционирует в языке самостоятельно и участвует в образовании новых сложных слов. Өлөн, от, чөп, көк, жажан, пичен – все эти лексемы в алтайском языке имеют одно и то же значение – 'трава', от и чөп этимологически затемнены, көк и жажан используются спорадически, самое частотное среди них – слово өлөн. Өлен/өлөн: 1. өлен бот. 'трава'; коомой өлен 'бедная растительность' [РТС, с. 341]; өлөн 'трава', јаш өлөн 1) 'молодая трава'; 2) 'сено'; өлөн јуур 'собирать сено'; өлөн белетеер 'заготавливать сено' [АРС, с. 512]; өлен 'трава, сено' [САНТЯ, с. 231]; өлө 'лужайка, трава', өл 'влажный, мокрый' [ДТС, с. 383]. Өлөн 'трава, зелень' в сочетании с другими словами служит базой для дальнейшего словопроизводства, образуя сложные слова: өлөнчечек собир. 'травы и цветы', өлөн-курсак собир. 'съедобные растения', өлөн ижи 'сенокос', өлөн чабын 'сенокос', өлөн-салгыш 'кормушка, ясли (для сена)', өлөн чабаачы 'косарь', өлөнчи 'заготовитель сена, сенозаготовитель', өлөн белетеш 'сенозаготовка', өлөн чабыш сенокос, өлөндө- 1) 'давать сено, траву (скоту)'; 2) 'заниматься сенокошением, заготавливать сено', өлөнзи 'отдавать травой, сеном' [АРС, с. 522]. В алтайском языке слово өлөн 'трава' имеет омоним өлөн 'песня, песнь', который является архаизмом, сохранившимся в названии эпического сказания Н.К. Ялатова «Өлөнир» (1970). Раскрыть значение этого слова помогает обращение к материалам

других тюркских языков, например, в киргизском языке слово өлөң также является многозначным, одним из его значений является значение ‘песня’: «өлөң айт- ‘петь песню’; Өлалбай жатып, өлөң айтат (погов.) – ‘Сам умирает, а песни поет’; өлөң ‘памирская песня, состоящая из 11–12 сложных стихов’; өлөңчү ‘певец’» [КиргРС, с. 93]. Можно предположить, что слово өлөң может как-то быть связано с понятием «предсмертная песнь человека, ускоряющая его последний час». Также алтайское существительное өлөң ‘песня, песнь’ можно сопоставить с якутским олонхо ‘эпос, сказание’, эвенкийским олонго ‘эпос, сказание’. Наличие в языке омонимов является одной из причин появления парных слов: многозначное слово подкрепляется синонимом для уточнения, исключения недоразумений в коммуникации, происходящей в многоязычной среде. Слово өлөң как второй компонент участвует в создании наименований трав в туба и алтайском языках, очерчивает семантическое поле «трава», выполняет уточняющую, поясняющую функцию: сас өлөң ‘белоголовник’ [РТС, с. 8], житту өлөң ‘душица’ [РТС, с. 69], сыйващ өлөң ‘полынь’ [РТС, с. 277], ақ өлөң ‘пырей’ [РТС, с. 317], жалч өлөң ‘солодка’ [РТС, с. 379], савын өлөң ‘татарник’ [РТС, с. 397], ачу өлөң ‘щавель’ [РТС, с. 451], в алтайском языке: сас өлөң ‘осока’, житту өлөң ‘полынь’, кара өлөң ‘потнишник (вид осоки)’, сүт өлөң ‘молочай’, самын өлөң ‘лихнис (зорька луговая, татарское мыло, барская спесь)’, изү-өлөң/изү-от ‘кипец’, мырчак-өлөң ‘мышинный горох’, ак-өлөң ‘пырей ползучий’ [АРС, с. 552], кулун өлөң бот. ‘пырей’, кыйгак өлөң бот. ‘осока’, үт-өлөң бот. ‘полынь’ [АРС, с. 769], өргин өлөң миф. ‘трава, из которой произошла змея’ [СААНТЯ, с. 232]. Сочетание двух основ слов өлөң и баргаа (маргаа, смысловые неразличительные фонемы [м/б] могут быть взаимозаменяемы) в парном слове өлөңбаргаа (маргаа) дает новое значение ‘бурьян’. В алтайско-русском словаре даны 2 варианта названия травы изү-от и изү-өлөң, которые равнозначны между собой. Существительное от в туба и алтайском языках можно считать самостоятельной лексемой, но оно чаще используется в составе сложных слов. Сегодня это слово переходит в разряд малоупотребительных, судя же по материалам «Древнетюркского словаря» и «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка», оно диахронно входило в состав активной лексики: «от II ‘трава, зелень’» [ДТС, с. 373], «от III 1. ‘лекарство’, от ем ‘лекарства, целебные травы’, ота-, emlä- ‘лечить, исцелять’, ölüм оту ‘яд’ (букв. ‘трава смерти’)» [ДТС, с. 373]; «от ‘трава, сено’, от айы (к., а б.) ‘июнь (время полоть траву)’, букв. ‘месяц травы’» [СААНТЯ, с. 226]. В алтайско-русском словаре представлен вариант значения от ‘сорняк’; от жулар ‘рвать сорняк’ [АРС, с. 511], но в разговорной речи это слово в данном значении не используется. Также значение парного слова от-өлөң в алтайско-русском словаре представлено как эм өлөң ‘лекарственная трава’, от-өлөң 1) ‘сорняк’; ср. от II; 2) бот. ‘щерица запрокинутая’ [АРС, с. 512]. На самом деле от-өлөң – это парное слово дублет, где этимология одного компонента затемнена, в целом в языке семантический сдвиг не наблюдается. В словарях представлены все производные от слова от: в русско-тубаларском словаре отоп салар ‘очистить поле от сорняков’, кыраны отоп салар [РТС, с. 241]; одо ай, ойот ай ‘июнь’ [РТС, с. 115]; от ай ‘май месяц’ [РТС, с. 142]; ото- ‘пастись’ [АРС, с. 512], отот понуд. от ото- ‘давать (пускать) пастись’ [АРС, с. 512], откор- ‘пасти, выпускать на пастбище’ [АРС, с. 512], одор ‘пастбище’; одорло- ‘пастись’; одо- ‘полоть’; одот- понуд. от одо- ‘заставлять полоть’; одоттыр- понуд. от одот- ‘заставлять полоть’; одош- взаимн.- совм. от одо- ‘вместе полоть’; одош ‘прополка’; маала одош ‘прополка огорода’ [АРС, с. 493]. От является производящей основой для слова оттаг ‘пастбище’ (прим. – впоследствии – оток ‘стан, стойбище’), и даже значение от ‘яд, отравка’ образовано от от ‘трава’, т. е. ‘яд, отравка, приготовленные

из травы»: «Катты арак асты, аа от кожып салтыр – ‘Жена приготовила вино и подмешала в него яду’; отог ‘область’» [СААНТЯ, с. 226]. В современном языке тубаларов оот имеет значение ‘отрава, яд’, как и в древнетюркском, ср.: *ölüm* от ‘яд’ (букв. ‘трава смерти’); ‘яд, отрава, приготовленные из определенных трав’. Звонкость и глухость звуков т/д в слове не являются релевантными, смыслоразличительными, значение от ‘трава’ очерчивает семантическое поле и существительных, и глаголов, образованных от от ‘трава’, сохраняет архаическую семантику. Словообразовательные модели N + N (сущ. + сущ.), Adj + N (прил. + сущ.) с компонентом от ‘трава’ весьма продуктивны в производстве названий растений: казак-от ‘осот полевой’, ср. ачу-от [АРС, с. 253], изү-от ‘осока стоповидная’ [АРС, с. 231], кара-от ‘аконит’ [АРС, с. 287] (ср. древнетюрк. *qara* от ‘аконит’ [ДТС, с. 423]), када от ‘лебеда’ [АРС, с. 133], кой-от ‘молочай’ [РТС, с. 152], ойон-от ‘потничная трава’ [АРС, с. 498], сай-от ‘мать-и мачеха’ [АРС, с. 560], сыгын-от ‘маралий корень’ [АРС, с. 625], тебе-от ‘клевер луговой’ [АРС, с. 662], сылган от ‘щучья трава’, шыш от ‘сорная трава’, ачу от ‘плевелы’ [СААНТЯ, с. 226]. В туба и алтайском языках лексема от ‘трава’ имеет омоним от ‘огонь’, именно поэтому молодое поколение носителей языка парное слово от-*ölön* отождествляет с понятием ‘огненная трава’. Это слово является устаревшим, но в составе сложных слов используется часто, в большинстве своем в фольклорных текстах, фитонимах и топонимах. Наличие в языке омонимов является одной из причин появления парных слов, одно из значений многозначного слова подкрепляется синонимом. Слово *чөп* в алтайском языке можно считать самостоятельным, но чаще оно используется в составе сложного слова. По нашему мнению, оно перешло в разряд малоупотребительной лексики в течение последнего столетия, к примеру, в словаре 1884 г. В. Вербицкого слово *чөп* представлено как имеющее значение ‘дикая трава’, т. е. слово употреблялось в своем прямом значении [СААНТЯ, с. 435]. В алтайско-русском словаре дано несколько значений слова *чөп*: «1) ‘сор, мусор; грязь’; например, *сүрее*, *сүрее-чөп*, *чөп-чүрүл*, *чүүрчүмүш*; 2) ‘соринка’; 3) ‘сорная трава, сорняк’; 4) ‘послед’» [АРС, с. 836]. В первом, втором и третьем значениях – это производные слова от основного значения *чөп* ‘трава’, где произошел сдвиг семантики, четвертое значение имеет другую этимологию. Следует отметить, что парное слово *чөп-ölön* используется в современном алтайском языке в значении ‘сорная трава, сорняк’, а парное слово с иным порядком тех же основ в виде *ölön-чөп* имеет значение ‘овощи, зелень’. В киргизском языке *чөп* имеет значение ‘трава, сено’; посредством сочетания с компонентом *чөп* образуются сложные названия растений: чай *чөп* ‘зверобой’, арам *чөп* ‘касатик’, сары баш *чөп* ‘лапчатка’, тыйын *чөп* ‘мальва круглолистная’, теңге *чөп* ‘манжетка’, кыял *чөп* ‘травянистое растение’, делбе *чөп* ‘название травы (бешеная трава)’, *чөп чабык* ‘сенокос’, *чөпчү* ‘травник’ [КиргРС, с. 373]. Слово *чөп* широко употреблялось до середины XX в., в современном алтайском языке его этимология затемнена, но лексема *чөп* очерчивает семантическое поле существительных и глаголов. В словарях алтайского языка представлены производные от слова *чөп*: *чөптө-* ‘сорить, засорять’, *чөптөл-* страд. от *чөптө-* ‘быть засоренным, засоряться’, *чөптөт-* понуд. от *чөптө-* ‘заставлять сорить; позволять сорить’, *чөптү* ‘сорный; грязный’, ср. *кирлү*; «Коп *сөс чөптү*, турган суу *ытту* (погов.) – ‘Сплетни с сорной травой, стоячая вода с запахом’» [АРС, с. 836]. *Көк* и *жажан* выступают синонимами по отношению друг к другу, создание этих наименований мотивировано цветом свежей травы: *көк ölön* ‘молодая, только что появившаяся трава’; *жажан* ‘зелень, молодая, только что появившаяся трава’; ‘недозрелый, недоспевший’.

## Заключение

Таким образом, составные компоненты парных слов могут быть лексически равнозначными, их появление объясняется необходимостью более полного раскрытия, конкретизации, уточнения выражаемого понятия, т. к. каждый из компонентов, как правило, имеет омоним, являющийся словом, имеющим иное происхождение. Наличие в языке омонимов является одной из причин появления парных слов: каждый из них подкрепляется синонимом для уточнения, исключения недоразумений в коммуницировании в многоязычной среде. Парные слова с абсолютным равным значением, дублирующие друг друга, приватные слова-дублиеты, особенно в том случае, когда один из их компонентов этимологически затемнен, следует выделить в особую, отдельную группу с целью сохранения исконного значения и прозрачности архаичной основы. Парные слова характерны для приграничных территорий, где контактируют между собой разные языковые группы, и их задача – сделать доступным общение для многоязычных народов. В алтайском и кыргызском могут обозначать *өлөн* ‘трава’, *өлөн/өлөң* ‘песня, песнь’, в якутском языке *олонхо* ‘эпос, сказание’, эвенкийском – *олонгко* ‘эпос, сказание’ имеет общий корень *өл* ‘умирать’, связан с понятием «предсмертная или посмертная песнь», так как эпос посвящается герою после его смерти, как памятное завещание.

## Сокращения

*алт.* – алтайский язык

*бот.* – ботаническое

*взаимн.-совм.* – взаимно-совместное

*древнетюрк.* – древнетюркское

*кач.* – качинское

*миф.* – мифическое

*монг.* – монгольское

*погов.* – поговорка

*понуд.* – понудительное

*прим.* – примечание

*рус.* – русское

*собр.* – собирательное

*страд.* – страдательное

*т.* – телеутское

*теленг.* – теленгитское

## Словари

1. АРС — Алтайско-русский словарь / редкол.: А.Э. Чумакаев (отв. ред.), Н.В. Екеев, А.Н. Майзина, К.К. Пиянтинова, Н.Н. Тыдыкова, Е.В. Тунтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2018. — 936 с.
2. ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В.М. Надеяев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. — Ленинград: Наука, 1969. — XXXVIII, 676 с.
3. КиргРС — Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. — М.: Советская энциклопедия, 1965. — 973 с.
4. РТС — Русско-тубаларский словарь. — Горно-Алтайск: Изд-во АУ РА «Литературно-издательский дом “Алтын-Туу”», 2019. — 384 с.
5. СААНТЯ — Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. — Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1884. — 494 с. — Год изд. на обл.: 1887.

## References

1. Daminova M.Z. Sopostavitel'nyi analiz parnykh sinonimov russkogo i tadzhikskogo yazykov [Comparative analysis of paired synonyms of Russian and Tajik languages]. Dissertation for the degree of Candidate of Philology. Dushanbe, 2015, 23 p. (In Russian).
2. Dmitriev N.K. Grammatika bashkirskogo yazyka [Grammar of the Bashkir language]. Moscow-Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948, 607 p. (In Russian).
3. Ganiev F.A. Obrazovanie slozhnykh slov v tatarskom yazyke [Formation of complex words in the Tatar language]. Moscow, Nauka, 1982, 150 p. (In Russian).